

Сергей ЗВЕРЕВ

Я - ВОР

В ЗАКОНЕ

ВЕЧНЫЙ
КАЙФ

Сергей Иванович Зверев

Вечный кайф

Серия «Я – вор в законе (Эксмо)»

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=33177073
Вечный кайф: Э; Москва; 2018
ISBN 978-5-04-092025-9*

Аннотация

Во время рейда в одном из наркопритонов оперативники обнаружили четыре трупа. Все жертвы умерли в страшных мучениях из-за того, что вместе с наркотиками приняли дозу неизвестного яда. Пока сыщики ломают голову, кто поставляет эту отраву – таджикские наркомафиози, азербайджанские торговцы или русская братва, – «порченный» наркотик стремительно распространяется по городу, находя все новые и новые жертвы. Поиски главаря смертоносной сети со временем становятся похожи на настоящую войну. Но сотрудники отдела по борьбе с наркотиками – ребята не робкого десятка, они прекрасно понимают, что только им по силам прервать этот «вечный кайф».

Сергей Зверев

Вечный кайф

© Рясной И., 2018

© ООО «Издательство «Э», 2018

* * *

Автор выражает благодарность за помощь в создании этой книги начальнику отдела по борьбе с незаконным оборотом наркотиков УВД Северо-Восточного округа Москвы Анатолию Фалееву и его сотрудникам.

Я провел ладонью по шершавой жестяной поверхности. Отряхнул руку от ржавчины. Прошептал:

– Крепко закрылись, моллюски.

Арнольд еще раз приложил ухо к двери. Пожал плечами.

– Глухо. – Он тоже шептал. Мы не в том положении, чтобы афишировать свое присутствие. – Они точно там?

– Точно бывает только в аптеке, – резонно заметил Асеев.

Из квартиры этажом ниже послышался шорох. Панельный дом – чудо инженерной мысли. Его творцы будто задались целью сделать так, чтобы малейшие шорохи разносились с первого до последнего этажа – чтобы, наверное, вероятный противник незамеченным не подобрался.

Загудели трубы – этажом выше кто-то включил водопроводный кран. А за ржавой металлической дверью – тишина. Но они должны быть там – человек пять-шесть.

– Как возьмем? Тут кувалда нужна, – Арнольд кивнул на дверь. Глазка нет, так что можно не опасаться, что сейчас налитый кровью вражий глаз следит за нашим военным советом.

Дом был изгаженный, а этот этаж, третий, особенно.

Толпы наркоманов, которые побывали в этой квартире, отметились на стенах образцами настенного жанра – надписями по-английски и на матерном русском, похабными рисунками, названиями каких-то улетных металлогрупп и кислотных песенок.

Мне стало обидно за людей, которые делят дом с поганцами, наслаждающимися жизнью за этой дверью.

– Может, прозвоним? – предложил Арнольд.

– Ага. Ментовкой представимся. Они весь «белый» в унитазе потопят, – отмахнулся Асеев.

– И обрез ружья у них, – напомнил я для забывчивых.

Я поднадавил плечом на дверь, запоздало подумав, что это не лучшим образом скажется на чистоте моей в первый раз надеванной светло-голубой рубашки. Дверь немножко качнулась, и трещина на стене рядом с ней, как мне показалось, чуть расширилась.

– Топорно сработано, – оценил я. – Слабовата.

– И что? – осведомился Арнольд.

– А смотри.

Я набрал в легкие побольше воздуха, прижмурился и залепил ногой в тяжелом ботинке сорок пятого размера в металлическую дверь. Что-то хрустнуло... Нет, слава те, господи, не в ноге, а в стенке.

– Биндюжник на тропе войны, – хмыкнул за моей спиной Арнольд.

– Киборг-пропойца, – добавил Асеев.

– Эх, – не с каратистским криканием, а с молодецким кличем снова врезал я по двери.

Получилось убедительно. На лестничной площадке будто взорвался снаряд. Сверху посыпалась штукатурка. Столбом поднялась цементная пыль. Вылетел кусок стены, а вместе с ним с жутким жестяным грохотом провалилась и дверь. Я отскочил в сторону, пропуская ребят.

– Лежать, суки! – с многообещающим криком моя братва ворвалась в однокомнатную квартиру.

Но там и так все лежали... Почти все.

В нос шибанул запах гнили и тления. Здесь царил мерзкий дух невымытых тел и тупой безысходности. Здесь был наркопритон. Однокомнатная квартира так и была обозначена в «АС» – агентурном сообщении, – как притон для употребления наркотиков – героина.

– Батюшки-светы, – прошептал Арнольд, застыв посреди комнаты. Не нужно быть медиком (достаточно опером по наркотикам), чтобы понять – улеглись пятеро человек здесь,

на заплеванном, заваленном огрызками и объедками, заливом какой-то липкой дрянью полу с намерением больше не подниматься.

– Жмурики, – деловито отметил майор Асеев.

Впрочем, жмурики (читай – мертвяки, кадавры, трупы) были здесь не все. Один еще трепыхался, его пальцы скребли паркет, а глаза закатились и глядели в потолок, и в них не было ничего. Остальные лежали в скрюченных позах, в блевотине и нечистотах, с раскрытыми ртами, будто погибли от недостатка кислорода. И лица были какие-то почерневшие – страшные лица.

Немногочисленная мебель была перевернута, все изгажено, затоптано. Везде валялись шприцы, жгуты, блюда для героина, раздавленные ампулы из-под дистиллированной воды. И в центре этого разгрома сидело, обхватив колени, лохматое, грязное существо.

– Я не укололась... Не укололась, – слышался то ли хрип, то ли стон.

Кто она – женщина, девушка, старуха? Да кто угодно. Спутанные волосы падали на лоб и на плечи. И закрывали лицо.

Арнольд схватился за горло, скривился – видно было, что его едва не стошнило, – и выскочил на лестничную площадку.

У Асеева, человека, которого такими картинками не проймешь, мускул не дрогнул. Нагнувшись над женщиной, он убрал с ее лица волосы, взял их в кулак, встряхнул. Ско-

рее все-таки ей было не больше тридцати.

– Э, подруга, – бросил он.

Она посмотрела на него совершенно пустыми глазами. У фарфорового болванчика в глазах больше мысли.

– Слышишь меня? – спросил Асеев.

Она огляделась. И вдруг истошно заорала:

– А-а!

Асеев залепил ей пощечину, и крик оборвался.

– Что тут произошло? – спросил он.

– Они... – Девушка всхлипнула. – Они...

– Чем они обдолбались? – спросил я, тыкая носком ботинка в еще шевелящегося наркоша.

– Героином. А я – винтом... Они сдохли, да? Скажи, они сдохли? – Она вцепилась пальцами в рукав пиджака Асеева, начала приподниматься.

– Не трогай. – Он брезгливо отшвырнул ее от себя. Потом нагнулся, поднял шприц, в котором оставалось немного прозрачного вещества, – осторожно, боясь уколоться.

Уколоться шприцом, побывавшим в вене наркомана, – вечный страх, который и во сне преследует оперативника отдела по борьбе с наркотиками.

– Порченный героин, – задумчиво произнес Асеев, разглядывая на свет шприц.

– Сильно порченный, – кивнул я. – Четыре трупа.

– Вызываем «Скорую»?

– Ну не священника же...

Ненавижу печатать бумаги. Душа стремится из тесных оков казенных слов и оборотов. Хорошо только бывает, когда печатаешь последние строчки: «Заместитель начальника ОБНОН СКМ УВД Ворошиловского района майор милиции Стрельцов Т. В.». Тогда останется только вывести документ на принтер, украсить витиеватой подписью и отправить куда положено. И забыть.

«В результате оперативно-разыскных мероприятий было установлено...»

Пальцы бегали по клавишам, в трети случаев попадая не туда, куда надо. Но это не страшно. Чем хорош компьютер – всегда можно изменить, исправить ошибку. Виртуальная реальность – всему можно дать задний ход. Эх, если бы так было и в жизни.

Так что установлено в результате оперативно-разыскных мероприятий? А установлено, что по «адресу Приморская улица, дом 9...» Господи, откуда в нашем городе, где не то что моря – водохранилища приличного не было, Приморская улица? Неважно. Продолжаем. «...Приморская улица, дом 9, кв. 14, находится притон для употребления наркотиков, в котором обнаружена партия наркотического вещества героин в размере от 100 до 150 граммов...»

Хорошая партия была. Не так чтобы для России из ря-

да вон выходящая. Вон в позапрошлом году в Братске наши коллеги изъяли две сотни кило героина на сорок миллионов баксов – вот это выемка. Но по нашему городу рекорд был девяносто семь граммов – это мы в марте сего года взяли на вокзале таджичку-курьершу. Да, 150 граммов – нехилая партия. Мы уже губу раскатали, прикинули, что нам премию рубликов аж по сто выпишут. А нашли каких-то пять граммов и пять трупов. По грамму на труп... Хотя, если быть точным, сперва нашли четыре трупа и одного «раненого» – тот бросил коньки уже в больнице. А та швабра неумытая, что на полу сидела, живехонька осталась. Она решила не присоединяться к компании и укололась не принесенным хозяином квартиры по кличке Бацилла героином, а припасенным первентином. Поэтому и осталась жива, что, впрочем, ее не особенно волнует.

Так, надо описать все это покороче... Теперь в отчете самая скользкая деталь – от чего же отдали богу душу пятеро не лучших членов нашего общества. Никто не знает. То, что они траванулись, – ни у кого сомнений нет. Вот только чем? Врачи не знают. У них на это несколько точек зрения – и никакой конкретики. И это очень плохо.

«По заключению судебно-медицинской экспертизы...» – забарабанил я. И тут меня бесцеремонно оторвали от этого занятия.

– Терентий Васильевич, дайте мне, пожалуйста, в морду, – услышал я гнусавый просящий голос.

– Я? – осведомился я, оглядываясь и видя рядом угреватое, вытянутое, достаточно непристойное лицо с выпученными слезящимися глазами.

– Ага.

– А ты хорошо подумал? – Я сжал кулак.

Проситель поморщился, оценив про себя внушительную величину этого инструмента.

– Я лучше Арнольда попрошу, – заключил он.

И правильно. Арнольд похлипче меня раза в два с половиной. На предложение он откликнулся с охотой.

– Сейчас. – Он обернул руку тряпкой – такой морды даже кулаком касаться противно. Привстал. И вlepил с криканьем просителю кулаком в челюсть.

Проситель пролетел метра два и врезался с влажным чмоканием в стену. Ощупал челюсть и крикнул:

– Нормально.

– А на хрена? – запоздало осведомился Арнольд, развывая руку.

– У меня примета такая, – заявил проситель, вальяжно усаживаясь на стул. – Если по морде дадут, так удача обломится.

– Ну если надо будет, Рок, ты заходи. Отоварим по высшему разряду, – кивнул Арнольд.

– Вообще-то послабее надо было, – проситель по кличке Рок ощупал щеку.

– А тогда какой интерес? И какая удача, если слабо? –

хмыкнул Арнольд.

– Да, – согласился Рок. – Я как-то не подумал.

Нет, сосредоточиться тут невозможно! То галдеж, то в морду кто-то просит дать. А то и дают без спроса. Ну а чему удивляться? Этот кабинет размером двадцать четыре квадратных метра принадлежит не офису какого-нибудь банка, где собираются приличные, в галстуках, чисто выбритые и выглаженные воры. Это кабинет отдела по борьбе с незаконным оборотом наркотиков, где обитают несколько диких оперативников. Тут все заставлено истыканными метательным ножом шкафами, обшарпанными от времени сейфами, исцарапанными столами. Стены завешаны плакатами. В углу висит цель, в которую бросают стрелки. Как эта игра называется? Все время забываю – язык сломаешь. В ней майор Асеев – большой специалист.

– Мужики, а я вчера на улице случайно Светку встретил, – вдруг заявил скучающий в углу Галицын, прозванный Князем. Действительно, что-то в нем было аристократичное по виду – высокий, холеный и иногда даже вежливый.

– Это с прокуратуры? – заинтересовался Арнольд.

– Да нет. Секретарша с нарсуда.

– Недотрога, да?

– Да уж. Я машину остановил. Предложил подвезти. Начал с ней интеллигентный разговор – о жизни на Марсе и об основном законе философии. А она мне...

– Пойдемте лягемте, нам обоим удобнее будет, так? – гык-

нул Арнольд.

– Эх, если бы так пристойно, – скривился Галицын.

– Хи-хи, – скабрёзно захихикал получивший по физиономии Рок.

– Как дети! – возмутился наконец Асеев, которого по аналогии со знаменитой рекламой прозвали Дядя Ася. Он отодвинул от себя бумагу, отбросил ручку. – Время идет. Кто барыге звонить будет? Опять день впустую пройдет?

– Звонили же. Нету барыги, – обиделся Рок.

– Еще звони. Каждые пять минут звони. Каждую минуту! – Асеев начал заводиться. – Нет этого барыги, звони другому. А то без сладкого останешься, урод!

При словах «останешься без сладкого» рука Рока потянулась в направлении телефона.

– С того телефона, – заорал Асеев, который всякий раз после того, как Рок касался его телефонной трубки, протирает ее спиртом.

Остаться без сладкого – кара для Рока страшная. В переводе с конспиративного на общеупотребительный – это значит остаться без наркоты.

Рока мы зацепили на улице три недели назад с двумя «чеками» – то есть с распакованными в фольгу дозами в размере одной десятой грамма героина. Он чуть не умер на месте. Не столько от страха попасть за решетку, сколько от травмирующего зрелища – его «чеки» исчезали в конверте, опечатывались печатью. Тогда он и согласился работать на самый

лучший в мире отдел по борьбе с наркотиками – на наш отдел. Он сдал нам одного мелкого торговца наркотиками – попростому барыгу. Потом сдал притон, где должна была быть партия «белого». Там мы позавчера и нашли жмуриков.

Работал Рок добросовестно, с энтузиазмом – исключительно за идею. А идея у него была одна – влить в вену раствор героина.

Появлялся он у нас раз в два-три дня. И успел прожужжать все уши о том, как вместе с нами он выведет на чистую воду всю мафию в городе. Трепался он без остановки, расписывал теневую жизнь города, обещал сдать торговцев оружием, живым товаром, членов малютинской группировки. Голова от его трескотни начинала болеть уже через десять минут. И разобраться, где он врет, а где говорит правду, было проблематично даже таким тертым волкам, как мы.

Сейчас Рок обзванивал знакомых барыг и договаривался закупить несколько «чеков».

ОБНОН не должен простаивать. Конвейер не должен замирать. Ни дня без задержания! А как задерживать, если такие, как Рок, не подсобят?

– Никто не отвечает, – растерянно развел руками Рок, когда обещанный барыга опять не подошел к аппарату. Жалко. У нас на него были планы. Мы хотели дать ему возможность переночевать в изоляторе.

– А в лоб? Уже по-настоящему, – осведомился деловито Асеев.

Рок уже понял, что за Дядей Асей не заржавеет. Потому как майор Асеев сильно не любит Рока в частности. И наркоманов в целом.

– Я еще одной барыге позвоню, – суетливо затараторил Рок. – Она прям с хаты на Мичуринской торгует.

– Кто такая? – спросил я.

– Ворона... Ну, Воронова.

– Настя? – прищелкнул я пальцами.

– Ага.

– Это та стервь, которая у нас в прошлом году с крючка сорвалась? – спросил Арнольд.

– Она самая, – не мог не согласиться я. – Звони, Рок. Неплохо бы нам ее прищучить.

Вдруг раздался такой громкий шлепок, что Галицын, углубившийся в газету «Совершенно секретно», чуть не подпрыгнул на месте. Нет, никто не дал Року по физиономии. Он сам себе вlepил по лбу.

– Вспомнил! – завопил он. – Ворона и Бацилла, ну, тот, который на хате на Приморской вместе с другими дуба дал, кажется, от одного «банкира» товар имели.

– Что? – уставился на Рока Асеев. – Это тот порченный героин?

– Ну да.

– Так чего ты молчал, урод?! – Асеев хлопнул ладонью по столу. – Работай.

Рок закивал и начал торопливо накручивать диск телефо-

на.

– Ворона, – воскликнул он, когда на том конце провода подняли трубку. – Это я... Как кто? Рок. Мне два «чека» надо. И быстрее! Чего быстрее? Дохну, понимаешь! Давай у метро... Когда?... Ладно. Все, заметано...

Он повесил трубку и торжествующе произнес:

– Все, условился с ней. У кинотеатра «Комета». В четверть пятого.

– Через четыре часа сорок минут, – подсчитал Асеев, посмотрев на часы. – Как оформлять будем?

– Оперативным экспериментом, – сказал я. – Арнольд, пиши постановление.

– А чего всегда Арнольд? – возопил он.

– Жизнь у тебя такая...

За суетой, бумажной волокитой клонился к закату рабочий день. Начальник отдела подполковник Романов сегодня в прокуратуре на заслушивании, так что к начальнику криминальной милиции меня дергали вместо него несколько раз. Да еще пришлось готовить и подписывать документы для мероприятий по Вороновой. В общем, за суетой подошло время, когда Асеев заявил:

– Кстати, нам до стрелки сорок минут осталось.

– Я успею еще в столовую сбегать, – заявил Арнольд.

– Я тебе сбегаяю, – пресек я это побуждение. – Опять из-за твоего брюха ненасытного опоздаем на стрелку, как в прошлый раз.

– Из-за меня в прошлый раз опоздали, да? – возмутился Арнольд.

– Из-за вашего раздолбайства. По машинам, – приказал я командным тоном. – Князь и Асеев – берете рации и папку с документами и бланками. Арнольд, ствол не забудь.

– Ворону стрелять? – хмыкнул Арнольд.

– Мало ли...

Во время мероприятий могут быть любые обороты. Месяц назад ребята из ОБНОН Центрального района пасли мелкого барыгу, ждали в машине, тут из подъезда выскочили трое гавриков и вдарили по ним с двух «АКМ». Операм повезло – успели выскочить и открыть ответный огонь. Одного бандюка завалили насмерть. Одного ранили. Но и сами пуль немножко понахватали. Опер чуть не скончался в реанимации. Глупая история – оказалось, бандиты из располагавшегося в подъезде офиса их с кем-то перепутали.

– Ладно, – Арнольд полез в сейф и вытащил пистолет. Вытер его о рубашку Рока и засунул в поясную сумку. Летом, когда в пиджаке жарко, поясные сумки отлично заменяют подмышечные кобуры.

– По коням, братва. – Я встал.

– Хотя бы пирожков с капустой возьму, – просительно посмотрел на меня Арнольд. Так трогательно смотрят собаки, выпрашивающие колбаски.

– И на нашу долю тоже, – смиростивился я.

Мы спустились по прохладной лестнице, прошли мимо

плексигласового щита, за которым прятался дежурный по управлению. Арнольд отделился от нашей компании еще на втором этаже и ринулся в сторону буфета.

– Жара, – сказал Галицын.

– Тебе все, что выше двадцати пяти, – жара, – неодобрительно произнес Асеев.

– Ненавижу жару. На Кавказе, помню, тогда асфальт плавился. – Взор Князя на миг затуманился воспоминаниями.

Галицын ненавидит жару, Кавказ и кавказцев. Это его жизненное кредо. И он имел для него основания.

Я кивнул Року на свой «жигуль».

– Давай на заднее сиденье.

– А конфеты будут? – жалостливо спросил Рок.

– А это как сработаем.

– А сейчас нельзя? – заныл он.

– Нельзя.

Рок судорожно вздохнул.

– Ну пожалуйста.

– Заткнись, – рявкнул Асеев, усаживаясь на переднее сиденье.

– Ладно, ладно, – испуганно взмахнул руками Рок. Задумался. – Когда вы меня в агенты возьмете?

– Как будешь работать, – многозначительно заметил я. Устроиться к нам в платные агенты – это у Рока навязчивая идея.

– Я же все знаю. Стволы знаю, где хранятся, – загундосил

он.

– Уже неделю слышим, – лениво произнес я.

– И про воров, кто крышу барыгам держит. Я все знаю...

Возьмите, а?

– Посмотрим, – пообещал я, заводя машину и выруливая со стоянки перед управлением.

Началась привычная театральная миниатюра под названием «Ожидание Арнольда».

– Ну не раздолбай? – Я посмотрел на часы. – Куда он делся, спрашивается? Опоздаем же.

– Жрать горазд, – покачал головой Асеев.

– И пить. Наверняка пиво в буфете глушит... Вон он, – кивнул я.

Арнольд беззаботно вырулил из подъезда. Под мышкой у него был объемистый целлофановый пакет с пирожками. И проглядывало что-то, напоминавшее бутылки с пивом.

– Быстрее, чудик! – крикнул Асеев.

Арнольд прибавил ход. Подошел к машине Князя Галицына.

– Второй, ответь Первому, – произнес Асеев в микрофон «Мотороллы».

– Второй на связи, – послышался голос Галицына.

– Давай за нами.

Я выехал на проезжую часть перед автобусом. И в зеркало заднего вида увидел, как за нами пристроился зеленый «Форд» Галицына.

Весь закон построен так, что сбыт наркотиков доказать чрезвычайно трудно. То ли специально такие законы пишут, то ли просто люди не понимают, что творят, но факт остается фактом. Однако нет таких трудностей, которые непреодолимы для русской милиции. За последние годы научились мы работать со сбытчиками, доказывать факт сбыта, привлекать барыг к уголовной ответственности. Есть способы. Было бы желание работать, притом не всегда чистыми руками.

С Вороной способ работы избрали простой. Рок пишет заяву – мол, ему, честному гражданину, стало известно, что гражданка Воронова торгует наркотическим веществом героин. Дальше выносится постановление о производстве оперативного эксперимента. Добропорядочному гражданину выдаются купюры с записанными номерами или просто меченные порошком, который светится в ультрафиолетовых лучах. Меченые, конечно, лучше, да только возиться с порошком лень. Дальше Рок идет на встречу, приобретает героин, тут, как черти из табакерки, появляется толпа народа – оперативники, понятые. Покупатель добровольно выдает приобретенный героин. Из кармана у барыги извлекается меченая купюра. Да еще под ультрафиолетовым облучателем пальчики и деньги светятся. Дальше народный суд, а сроки по этой статье серьезные. Сбыт доказан.

Так бы все было и на этот раз. Но...

– Не знаю, где она, – развел руками Рок, приблизившись к моей машине.

– Она часто опаздывает? – спросил Асеев.

– Обычно вовремя приходит.

– И почему не пришла? – Асеев хмуро оглядел Рока многообещающим взором палача, прикидывающего, взять ли халтурку на дом.

– Не пришла.

– Вот тебе жетон. – Я извлек из кармана жетон. – Иди и звони. Чтобы Ворона была здесь.

– Но...

– Ты посмотри, сколько народу сдернул с места. Сколько бензина нажгли. Нам нужно сегодня взять Ворону. Чего непонятно?

– Все понял, – вздохнул Рок и направился в сторону телефонной будки.

Наша машина выставилась метрах в ста от стекляшки метро, на площадке за трансформаторной будкой. Справа от нас магазин «Фарфор». А за нами, за зеленью деревьев, виден бетонный куб кинотеатра «Комета» – ныне злочное место. Сколько себя помню, всегда там собиралась шпана этого микрорайона. Здесь они выясняли отношения – кто главнее, знакомились с девчонками, выворачивали друг у друга карманы. Ныне в кинотеатре по ночам действует дискотека «Пилот» и наркотиков там – просто обожраться. А во дворе

за кинотеатром в шестнадцатизэтажном доме живет Ворона. Около этого дома мы ее задерживали с наркотиками. Тогда она от нас откупилась, сдав барыгу с пятью граммами героина. И ушла на дно, решив, что с нами дружить не обязательно. Значит, теперь сама стала «банковать» – героиновую точку открыла.

– Почему Ворона не пришла? – зевнув, произнес я, глядя, как Рок, пинком спровадив от телефона-автомата щупленького пацана, сам занял его место и начал накручивать диск.

– А, с этим болваном связываться, – Асеев махнул рукой и устроился поудобнее на сиденье, прикрыл глаза, один приоткрыл, как затаившийся крокодил. Он никогда не расслаблялся, все сек и видел.

– Все-таки палку он нам сделал, – сказал я. – И притон сдал.

– Он же полностью отмороженный, – недовольно произнес Асеев. – Мы с ним еще нахлебаемся.

– Он что, к тебе в родственники набивается? Где ты в этой среде информатора вменяемого найдешь?

– Да уж...

Зашуршала рация. И послышался голос Арнольда:

– Терентий, ну что у нас там с клиентом?

Я нажал на кнопку:

– Второй, для кого правила ведения радиопереговоров написаны? Тебе сколько повторять?

– Ладно, не зlobись.

В эфире запрещено употреблять имена, фамилии. А можно в эфире употреблять только позывные.

– Пока задержка, – проинформировал я. – Сидите, ждите. Понял?

– Понял.

– Отбой. – Я положил рацию между сиденьями, чтобы не бросалась в глаза случайным прохожим.

Рок с размаху шлепнул трубкой об аппарат и направился к нам.

– Дозвонился? – угрожающе осведомился Асеев, искоса глядя на застывшего в угодливой позе у машины Рока.

– Не берет трубку! – завопил он. – Сука она! Ох, сука. Брать ее надо. И мордой о стену. Она барыг много знает. Она все скажет. Я знаю, как мы на нее надавим. Надо...

– Заглохни! – прикрикнул я. – Куда она могла деться?

– Ну я не знаю.

– А мы засветиться никак не могли? – спросил Асеев.

– Маловероятно, – сказал я.

– Может, она кого-то подслала обстановку прощупать? И нас с Роком засекли.

– Вряд ли. Она же дура обычная. Ей не до конспирации, – отмахнулся я. – Ждем еще пятнадцать минут, а потом снимаемся.

Через пятнадцать минут, естественно, никто не появился.

– В машину, – приказал я Року.

Тот виновато, как сожравший хозяйскую сметану кот,

бочком пролез на заднее сиденье и заработал испепеляющий взор Асеева.

– Раздавить бы тебя, мокрица, – произнес майор.

Рок съежился. Асеева он боится чем дальше, тем больше. Впрочем, не он один. Дядя Ася, как удав, – умеет вызывать страх и парализовывать волю. Оно и неудивительно, учитывая его боевую биографию.

– Говорит Первый. Все. Снимаемся. На базу, – сказал я в рацию.

– Второй понял.

Я тронул машину. Выехал из-за трансформаторной будки. И прикрикнул на Рока:

– Пригнись. А то еще кто увидит тебя в нашей тачке.

Рок калачиком съежился на заднем сиденье. Да так и не встал, пока машина не остановилась у управления. Рок просто заснул. Я растолкал его, и мы поднялись в кабинет.

– Ну, что делать будем? – оглядел я своих подчиненных.

– Кто как хочет, – заявил Галицын, – а я домой. У меня сегодня теща в гостях. Жена сожрет, если меня хотя бы к полвосьмому не будет.

– Во-во. И у меня... – начал Арнольд.

– Что, тоже теща? – угрожающе спросил я.

– Да нет. Свиданка у меня. С Катькой... – Он вдруг задумался. – Или с Анютой. С кем же? Ох, пить надо меньше. Я уже граммов семьсот опрокинул позавчера, когда с кем-то из них договаривался. Так Анюта или Катька, а?

Он вытащил записную книжку и начал перелистывать.

– Э, вы чего разошлись-то? – осведомился я. – Нам сегодня задержание надо сделать кровь из носу. Иначе шеф устроит и тещу, и блины.

– Терентий, ну я же договорился. – Взгляд у Арнольда стал еще более трогательным. – Але! – прокричал он в трубку. – Анютик. Как я? Высох весь. О встрече мечтаю. О сегодняшней... Да... Да... Конечно...

Он повесил трубку.

– В точку попал. Все-таки Анята. Так что... – Он развел руками.

– Дезертиры поганые, – поморщился я и прикрикнул на Рока: – Чего застыл, как статуя? Звони!

– Вороне? – осведомился Рок.

– Вороне! Лисице! Хоть кому. Но чтобы сбыт у нас сегодня был.

Рок сел названивать барыгам. Арнольд набирал номер на соседнем телефоне.

– Наташа, это я, – Арнольд на сей раз звонил жене. – Я сегодня не приеду. У нас – мероприятия... Партия героина должна прийти из Таджикистана. Нас всех зарядили. Так что сегодня не жди. Целую, родная моя... Все, – он бухнул трубку.

– Во враль, – осуждающе покачал я головой.

– Почему? – искренне удивился Арнольд. – Я ей же честно сказал, что сегодня не буду... Все, пока. Мне еще в магазин.

В результате остались мы втроем – я, Асеев и Рок. У Дяди Аси черта – он работает как трактор, стоит лишь завести, без оглядки на тещу и тестя, на жен и любовниц. У него есть некая целеустремленность, как в старину у рыцарей из ордена тамплиеров.

– Лысый, «герыч» нужен, – тем временем увещевал по телефону Рок. – Как это нет? А чем же сам ширяешься?.. Ни чем? Врешь, урюк! Мне хотя бы «чек»... Завтра? Мне сегодня надо!.. Урюк ты. Пока...

Следующий звонок:

– Пряник, мне «герыч» нужен... Тоже нет? Ах ты...

Рок выходил из себя. Он чуть не плакал. Ему нужно было уколоться, а колоться нечем. Надо было заработать. Он снова схватил телефон и дрожащим пальцем настучал номер.

– Кому сейчас? – спросил я.

– Опять Вороне. – Рок шмыгнул носом. И вдруг заорал, прижав микрофон ладонью: – Взяла, сволочь!

Я перегнулся через стол и нажал на кнопку громкоговорителя.

– Ворона! Ты? – заорал Рок.

– Нет, – огласил кабинет женский голос.

– А это кто? – требовательным прокурорским тоном осведомился Рок.

– Оксана! – на том конце провода визжали.

– А чего орешь-то? Чего орешь, дура? Это Рок, понятно? Рок, говорю!

– И чего?!

– Ворону давай!

– Нет ее! – истерично завопили на том конце провода.

– А где она?

– Умерла!

– Шутим, – угрожающе произнес Рок.

– Я говорю – умерла! Почти умерла! Вон валяется! Дохнет!

– Ух ты, а «герыч»? – заволновался Рок. – Она мне должна была!

– Она умирает, понимаешь, козел?

– За козла ответишь... «Скорую» ей вызывай.

– Они ее не берут, – Оксана зарыдала. Явственно слышалось шмыганье носом. – Она умрет!

– Э, пусть скажет, где «гера», и потом откидывается.

– Ты чего? – прошептал я. – Скажи, что сейчас приедешь.

– Сейчас приеду, – пообещал Рок. – Откачаем Ворону. Не трясись, коза, все будет путем...

* * *

Мы с Асеевым остановились на лестнице между пятым и шестым этажом. А Рок поднялся на шестой и начал названивать без остановки в квартиру.

– Открывай, коза, серый волк пришел! – заорал он.

Дверь медленно, со скрипом отворилась, будто открывав-

ший ее был на последнем издыхании.

– Ну, че тут? – Рок ворвался в квартиру. Дверь прикрыли.

– Пошли, – кивнул я.

Мы по стеночке подобрались к девятнадцатой квартире.

Номерок был «61» – но не верь глазам своим. Просто «19» приколотили вверх ногами. Обитатели этой квартиры внимания на подобные мелочи сроду не обращали.

– Э, Ворона, вставай! – послышалось из-за двери. – Действительно хреново ей... Откачивать надо.

– У-у, – послышался вой скорее всего Оксаны, приятельницы хозяйки. Видимо, Воронова орать уже не могла.

– Откачаем... «Геру» давай, что Ворона обещала.

– Я не знаю где, – с вызовом, в котором легко читалась ложь, воскликнула Оксана.

– Все ты знаешь, овца! Все знаешь. Ну...

В квартире чем-то зашелестели, что-то ухнуло – будто мешок с потолка рухнул.

– На! – воскликнула Оксана. – Больше нет.

А нам больше и не надо. Сбытом считается и просто передача наркотика. Так что Оксану можно уже упекать.

Я распахнул дверь и приветливо произнес:

– Привет, ласточка. Руки вверх. Отдел по наркотикам.

– У-у-й-а! – послышался утробный вой из глубины самого существа коренастой, белобрысой, прыщавой девахи. Она приткнулась спиной к стене, будто желая вдавиться в нее или в крайнем случае размазаться по ней.

– Да не надрывайся, – Асеев встряхнул Оксану. – Где Ворона?

– Та-ам, – она ткнула в сторону комнаты.

Ворона – гражданка Воронова Анастасия Даниловна – с момента прошлой встречи прилично изменилась. Была такая розовощекая пышечка. А теперь стала синещекая и уже не пышечка. И кто ей даст восемнадцать лет?

Она лежала на диване и хрипела.

Асеев нагнулся над ней и осведомился:

– Перебрала?

– Ага, – закивала Оксана, размазывая ладонями по лицу струящиеся ручьями из глаз слезы.

– Героин?

– Ага.

– Ты какого черта врача не вызвала? – спросил я.

– Вызвала-а, – взвыла Оксана.

– И что?

– Бригада приехала-а... Настю осмотрели-и... Сто баксов запросили-и...

– И?

– Где я им сто баксов возьму?

– Ты так и сказала?

– Ага.

– А врачи?

– Обернулись и молча ушли.

– Помирать оставили?

– Ага-а.

– А клятва Гиппократа? – спросил я.

– Чья клятва? – недоуменно посмотрела на меня Оксана, решив, что это какой-то модный прикол, которого она не знает.

– Тот же героин, что и с притона на Приморской? – обернулся Асеев ко мне.

– Черт знает, – пожал я плечами. – По-моему, просто передозировка. Когда она укололась? – спросил я Оксану.

– Как этот, – она кивнула на Рока, – позвонил. Она укололась. И отлетела.

– А ты не кололась?

– Нет. Я с утра уже ширнулась. Только сидела, воду хлебала. А Настя кольнулась, и я вижу – кончается.

– А чего трубку не брала? – осведомился Асеев.

– Телефон выключила.

– Почему?

– Звонков боялась.

– С чего это?

– Не знаю, – недоуменно протянула Оксана.

Я присел рядом с Вороной. Веки ее подрагивали. Она хрипела. Я открыл папку, в которой имелся небольшой комплект лекарств на подобные случаи. Бывало, приходилось уже откачивать людей в таких ситуациях. Я вколол болезной содержимое одноразового шприца. Ох, наркоши, колятся ржавыми иглами, хватая гепатит и иммунодефицит. Пусть

хоть от милиции культуру медицинского обслуживания увидят. Но все равно в больницу надо.

– Звони в «Скорую», – протянул я трубку.

– Не хочу! – взвизгнула Оксана. – Я боюсь.

– И их боишься?

– Всех боюсь! Боюсь! – заорала Оксана. Получила подзатыльник от Асеева и тут же пришла в себя.

– Звони, – велел я.

Она набрала «03».

– «Скорая». У меня подруга умирает! Да сделайте что-то!

* * *

«Скорая» приехала через пятнадцать минут. Я стоял на лестничной площадке повыше и смотрел, как «синие халаты» – женщина лет тридцати, медсестра с чемоданами прошеествовали в квартиру. У подъезда застыла машина с красным крестом.

Мы снова по стеночке подобралась к квартире. Оставалось только приложить ухо к двери и слышать весь спектакль.

– Лекарства дорогие, сто долларов стоят, – слышался женский голос.

Да, похоже, такса у них одна у всех.

– Но нет денег! – это голос Оксаны.

– На нет и суда нет, – спокойный, уверенный голос жен-

щины-врача.

Шаги приближаются к входной двери.

– Ладно! – кричит Оксана. – Я найду деньги.

– Так ищите.

– Вот... Последние...

Оксана врет. Это не ее последние деньги. Это мои последние деньги.

– Ладно, – меняет гнев на милость врач. «Скорая» начинает заниматься тем, чем и должна. Насте вкатывают лекарства. Приводят в себя.

– Будем госпитализировать? – спрашивает врач.

– Ни в коем случае! – кричит Оксана.

– Как хотите.

Дверь открылась. Появилась врач. Я всплеснул руками и, искренне улыбнувшись, произнес:

– Ох, какие лица.

Звать ее Эмма, работает она на третьей подстанции. Мы с ней сталкивались, когда сажали Клистера – широко известного в наркоманском мире врача «Скорой». Те наркоманы, кому сильно хотелось обдолбаться, не выходя из берлоги, звонили по «03» и требовали прислать двадцать девятую машину. На вызов и приезжала передвижная наркотическая лавка. И сам лавочник – Клистер. У него всегда был широкий выбор наркотических веществ и сильнодействующих препаратов. С этим джентльменским набором мы его взяли. А потом в шкафчике для его личных вещей на под-

станции нашли немерено «дури». Эмма тогда работала с ним в одну смену на другой машине. Мы ее допрашивали в качестве свидетеля. Лицо мое она, похоже, хорошо запомнила. Потому что побледнела и стала такой, будто ее обработали отбеливателем «Ас».

– Эмма, я вас люблю. Я забыл это сказать вам в прошлый раз, – еще шире улыбнулся я.

– Что? Кто вы такие? – начала она валять дурака, пытаюсь прорваться из квартиры, но габариты у меня достаточные, чтобы закупорить проход не хуже, чем пробка закупоривает горлышко бутылки от шампанского.

– Не узнали? А я мечтал об этой встрече... Кстати, мои сто баксов не жгут ваш синий халат?

– Что?! – воскликнула она.

– Милиция, Эмма Владимировна. ОБНОН, – Я обернулся и потребовал: – Поняты.

Асеев приволок снизу двух опойного вида мужиков.

– Наркоманы? – спросил алкаш, окидывая взором квартиру.

– Они, – кивнул я.

– И чего не живетя? – поцокал языком алкаш. – Пили бы, как все люди...

Дальше начинается изничтожение противника – правда, только моральное. Эмма качает права. Требуется отпустить, поскольку вся линия окажется неприкрытой и сердечники с травмированными умрут без ее помощи.

– С такими врачами они быстрее умрут, – заверил я ее. – Чего вкололи девушке?

– Обычное успокаивающее, – Эмма продемонстрировала ампулу.

– Действительно, – пришлось мне согласиться. – А сто баксов за что?

– Какие сто баксов? – искренне возмутилась врач.

– С переписанными нами номерами.

– Глупости.

– Да? Оксана! – крикнул я и взял у девушки диктофон, на который был записан разговор. – А это что?

Квартиру огласил записанный на ленту голос торговавшейся Эммы. Это – нокаут. Женщина плачет. В таком состоянии ее и тащим в местное отделение.

– Вы же готовы были оставить погибать человека, – вздохнул я, когда она сидела напротив меня в отделении.

– А они люди?! – вдруг с яростью восклицает Эмма.

– Вопрос дискуссионный, – кивнул я. – Но не странно, что менты откачивают больного, тогда как врач оставляет его умирать?

– Откачали?! – зло воскликнула она. – Надолго? Она все равно скоро умрет. Они долго не живут.

– Правильно, – кивнул я. – Убить, чтобы не мучилась. Вам надо с собой цианистый калий в комплекте возить.

– И возила бы, – с вызовом бросила Эмма.

Пока идет оформление материалов – близится ночь. Ни-

чего. Не впервой возвращаться, когда на черном небе светит серебряная луна и волки в кустах на нее воют...

Под колесами уплывало шоссе. Я резко обгонял редкие машины. Ночь – простор. Ни пробок, ни автобусов, ничего.

– Черта с два тут дело будет, – сказал Асеев, потягиваясь.

– Да, – согласился я. – Местные или в возбуждении уголовного дела откажут, или прекратят его.

– Что ты им вменишь? Вкололи лекарство из аптечки. Сто долларов взяли ни за что? Мошенничество можно притянуть за уши. Но маловероятно.

– А что с Оксаной и Вороной делать? – спросил я.

– Думаю, давать материалам ход нет смысла. Лучше на крючок посадим. Рок же говорил, что она может знать, где покойный Бацилла брал порченный героин.

– Кстати, не от этого ли героина Ворона чуть не скончалась?

– Это вряд ли, – покачал головой Асеев. – Там симптомы были другие. Тут обычная передоза.

– Надо ковать железо, пока горячо. Давай к Вороне, – предложил я.

– Час ночи.

– Детское время. Ворона, наверное, уже очухалась.

Дверь открыла Оксана. Она посмотрела на нас, как на привидения.

– Чего, спать собралась? – спросил я.

– Ой, – всхлипнула она.

– Не ойкай. Котомку лучше собирай. – Асеев бесцеремонно втолкнул ее в большую комнату и бросил на продавленное кресло. На диване, лицом вверх, лежала Ворона. – За героин.

– Но я же...

– Передала героин Року. Это сбыт. Тюрьма.

– Но?..

– Что, неохота в тюрьму?

– Неохота-а, – заныла она.

– Помочь тебе? Тогда платить надо.

– У меня нет денег.

– Какие деньги, – встряхнул ее за шею Асеев. – Ты и Ворона нам по гроб жизни обязаны. Теперь будете делать, что мы говорим.

– Стучать, что ли?

– Откуда такие слова? Работать на нас...

Я наклонился над Вороной. Ее трясло. Она уже очухалась и смотрела в потолок, не обращая внимания ни на что.

– Это Стрельцов, – сказал я. – Помнишь?

Она скосила на меня глаз и жестяно произнесла:

– Помню.

– Ты где «геру» брала?

– У Бациллы.

– Бацилла откланялся. Нет его больше на этом свете.

– Я знаю.

– Как же ты без Бациллы? Загнешься же без героина.

– Найду, – прошептала уверенно она.

– Вместе искать будем...

* * *

Только начни распускаться, только дай слабинку – пойдёт-поедет. Пусть лег я в три ночи, но в полседьмого, как только начал звонить будильник, через силу разлепил глаза, напрягся и вскочил с кровати. Потом – гимнастика, полутонна рапудовые гири, душ. Все как всегда. Нужно быть в форме.

Позавтракал я плотно. Мой принцип – всегда брать, что дают. Обед, а то и ужина на нашей работе может не быть.

Пока я завтракал, началась ежедневная битва. Арина пыталась поднять наших чад, пятилетних близняшек Вовку и Аленку. С Вовкой договориться еще можно. Он все-таки мужчина. А Аленка начала привычно скандалить:

– Не хочу-у в садик.

– А куда же ты хочешь? – спросила Арина.

– Хочу к папке на работу-у!

– Что за новости? – удивилась Арина.

– А я тоже хочу ночью приходи-ить! Хочу-у!

Вот это да...

Как всегда по утрам, время летит быстрее, чем надо. Арина возится с детьми, одевает, кормит, а стрелки уже подползают к критической точке, за которой – опоздание на работу.

Все с грехом пополам собрались, уселись в мою выдавшую виды зеленую, как «БТР», «шестерку». Я тронул машину с

места.

– Насчет зарплаты у вас ничего? – больше для приличия, чем из интереса, спросил я.

– Обещали аванс за позапрошлый месяц, – вздохнула Арина. – Аж рублей двести.

– Серьезные деньги.

Моя жена – старший научный сотрудник в умирающем оборонном НИИ. В последние годы она привыкла работать не за деньги, а за идею. Это у нас семейное – высокая идейность, потому что чаевые, которые мне платят, тоже зарплатой не назовешь.

Я завез детей в детсад, забросил на работу Арину.

– Детей ты сегодня забери, – сказал я. – Неизвестно, когда приеду.

– Конечно, заберу, – вздохнула она, поцеловала меня.

Стройная, красивая, любимая. И очень терпеливая...

Начало рабочего дня. Шум-гам, смех, гогот, шуточ-ки-прибауточки. Палата номер шесть. У Арнольда один разговор – как он вчера нажрался, что не помнит, было ли у него что-то с Таней... Или с Валькой... Нет, все-таки с Анютой...

Галицын притащил пару новых анекдотов. Димон Куравлев – младший опер, прикомандированный к нашему отделу, – что-то стонет о женской неверности – его кинула очередная его пассия, когда дело еще и до постели не дошло. Асеев смотрит на всех осуждающе.

По мою правую руку зазвонил телефон. Я поднял трубку

и услышал скрипучий, как не-смазанное колесо, голос:

– Але, это кто?

– Майор Стрельцов.

– Это начальник Арнольда Крюкова?

– Да.

– Я Турусова Анна Леонидовна. Мне сказали, что начальник отдела Романов не давал разрешения убивать Ольгу. А Крюков все равно убил. Без разрешения! А это ведь превышение власти.

– Да что вы?

– Именно.

– Разберемся, – пообещал я.

– Когда?

– Вот сейчас и начнем...

Я бросил трубку и кинул Арнольду:

– Бабка Турусова звонила. Говорит, Романов не разрешал тебе убивать Ольгу.

– Ну не разрешал, – кивнул Арнольд. – Но очень хотелось.

Бабка Турусова – стукачка с еще энкавэдэшным стажем. Всю жизнь на всех стучала, требовала принять меры, вынюхивала и дотянула таким образом до семидесяти трех годков. Ее внучка Ольга – наркоманка конченная – тоже пошла по стопам предков и исправно барабанила Арнольду на своих товарищей по игле. Потом стала прикрываться оперативником перед наркоманской швалью в своих неблагоприятных делишках – мол, у меня менты подвязаны, всех по кочкам раз-

мотаю. А бабка Турусова постоянно названивала Арнольду и требовала:

– Сделай что-то с Ольгой, чтобы не кололась. Уговори ее.

Пожелание благое, но, мягко говоря, нереальное. Не рожден еще оратор, который уговорит наркомана не колоться. А Ольга чем дальше, тем больше отлетала в иные реалии. Однажды она сожрала сто таблеток димедрола и едва не улетела насовсем. Потом все-таки померла, просидев из своих тридцати годков десяток на нар-котиках – еще долго протянула.

Перед этим Арнольд с Асеевым вдвоем взяли притон, где было шестнадцать отмороженных наркошей. Один из них, приятель Ольги, затаил на Арнольда злобу и, как только додумался, нашептал старухе Турусовой:

– Это Арнольд в притоне твою внучку порченными наркотиками обкормил. Убил ее.

С того времени бабка разослала двадцать заявлений и штук тридцать жалоб в ФСБ, прокуратуру, МВД и Комитет по правам человека о зверствах старшего оперуполномоченного Арнольда Крюкова. И она все писала и писала, обивала пороги и останавливаться не собиралась. Образованная, на психичку не похожа, на груди какие-то медали – типа «За трудовую доблесть» и «За взятие Москвы», первое впечатление она производила вполне пристойное. И по такому маразму приходилось отписываться и ФСБ, и прокуратуре, и, естественно, нам.

Опять звонок:

– Вам звонит представитель матерей с Элеваторного проезда, – слышался строгий голос.

– А с вами говорит представитель оперативников с улицы Папанина, – поддакнул я.

– Поищите лучший объект для иронии. Мы, матери, возмущены тем, что наших детей травит наркотиками гражданка из шестнадцатого дома. Они к ней в очередь выстраиваются. И гибнут... Где милиция?

– Да, а где?

– Из отделения приезжали, забрали ее. И выпустили. Она говорила – за две тысячи долларов.

Что ж, такое возможно. Ментов продажных и без тормозов на территории немерено.

– Прямо на улице и торгует? – спросил я.

– Да.

– Как представитель матерей – какую-нибудь квартиру для наблюдения подыщите. Мы ее «хлопнем»...

– Убьете? – ужасается дама.

Тьфу, с этим нашим жаргоном.

– Да нет, просто арестуем, – успокоил я представительницу матерей.

– Квартиру, да? – Ее энтузиазм тает. – Мы подумаем. До свидания.

– И не затягивайте, – прошу я.

Девять против десяти, что ее больше не услышу. Таких вот общественных прокуроров, что-то от нас строго требую-

щих, гораздо больше, чем помощников. А оперов вообще – раз-два, и обчелся. И на каждого – по дивизии барыг. За всеми не угонишься...

Не успел положить трубку, снова звонок. Мой телефон – контактный. Названивают все кому не лень.

– Приезжайте, у меня сын обкололся наркотиками и бежит за нами с топором! – слышится истошный женский визг.

– Так звоните в патруль быстрее! – не выдерживаю я.

Наркоман обкололся, обкурился, упал мордой вниз – и все звонят нам.

Очередной звонок.

– Терентий, ты? – услышал я знакомый голос.

– Нет, не я... Ты куда пропал, чудик?

– Бегал, высунув язык.

– Встречаемся?

– Да. Есть новости по главной проблеме.

– Где встреча?

– Через часик на третьей точке. Годится?

– Давай минут через сорок, – сказал я.

– Хорошо.

Я положил трубку. Посмотрел на часы.

Галдеж в кабинете продолжался. Арнольд рассказывал очередную байку. Опять зазвонил телефон – утром все как с цепи сорвались.

– Князь, возьми, – кивнул я. – Меня нет. Я уехал.

– Куда? – спросил Асеев.

– На встречу.

Встреча с лицом, конфиденциально сотрудничающим с органами внутренних дел на возмездной контрактной основе, – так называется агент по-научному.

Контрактная возмездная основа. Те копейки, которые мы им платим, могут заинтересовать только обнищавшего пенсионера, которому пенсию не платят уже полгода. У Волоха же новый «БМВ», недавно квартиру трехкомнатную купил, так что ему мои подачки оскорбительны. Дружба наша основана на другом. На том, что я, еще когда был старшим опером в убийном отделе, жизнь ему спас. И живет он, пока мы не распространяем сведения конфиденциального характера. Он это знает. И глядя в его честные глаза, я иногда думаю: а не разорится ли он на дешевенького киллера и не решит ли проблему модным в коммерческих кругах методом – уничтожением кредитора. Но нет. Не посмеет... Мы же друзья. И друг другу должны помогать. Боремся вместе с гидрой преступности. Только он еще борется за личное благосостояние, а я – все больше за общественные устои...

С источниками лучше встречаться подальше от людных мест. Меньше глаз и ушей, меньше вопросов. Хотя некоторые, подобно Року, и прописываются прямо у нас в кабинетах, становясь частью интерьера, но с Волохом такое не пройдет. Он не из тех людей, кто может себе такое позволить.

Он ждал меня за автобусной остановкой у комбината железобетонных изделий. Место – лучше некуда. Без како-

го-либо особого дела сюда никто не сунется. Вон он прогуливается. Обильно татуированный колобок в майке, на шее – золотая цепь, на пальцах-сардельках – массивные кольца. Точно абориген-людоед с тихоокеанского острова. Вдали за панелевозом стоит его новый любимый «БМВ».

Я резко, круто так, в стиле американских боевиков вильнул и затормозил.

– Садись.

Волох огляделся, кинулся к моей зеленой «шестерке», упал на заднее сиденье и осведомился настороженно:

– «Хвоста» не было?

– Сбросил еще в центре, – деловито ответил я.

– Тебе все шутки шутить. А мне башкой отвечать.

Действительно, ему, члену славной воровской общины, за встречу с опером могут счет предъявить. Да еще у Волоха мания преследования. Он обожает всякие шпионские трюки типа сбросить «хвост», проверить, не на прослушке ли телефон и нет ли в ванной микрофона.

– Ну, чего надыбал? – спросил я.

– А. Братва гуляет, – махнул он рукой. – Через неделю тебе барыгу оружейного, может быть, сдам.

– Из чьих?

– Из гагаринских отморозков. Они вооружаются активно.

– Что по наркоте?

– Наркота сейчас потоком пошла. Героин. Вскоре большое поступление ожидается.

– Откуда? – напрягся я. – Таджикистан?

– Очень тут все туманно. Может быть.

– Ты знаешь, что порченный героин пошел? Уже несколько человек с жизнью расстались.

– Слышал, – кивнул Волох, продолжая нервно оглядываться. – Похоже, из этого нового потока.

– Разузнай подробнее.

– Что могу, делаю, Терентий. Ты же знаешь, – обиделся он, что его недооценивают. Он, как ребенок, обидчив.

– Ладно. Что еще?

– Тут такие закрутки. Московские паханы подтвердили, что Малюта в город на наркоту посажен. С героина бабки он в Москву на общак отстегивает. И зону должен наркотой и деньгами кормить.

– Значит, вору в законе Малюте дали право барыжничать?

– А, – махнул рукой Волох. – Все с ног на голову встало. Где вор, где барыга, где бизнесмен, где политик? Кто разберет?

– А не запаadlo ему «белым» торговать?

– Старый вопрос. Какой запаadlo, когда такие бабки? Кроме того, ты Малюту хорошо знаешь?

– Еще как.

– И что такой падле может запаadlo быть?

– Действительно, – не мог не согласиться я.

– Малюта сейчас бизнес свой раскручивает. И тут у него конкуренты появились. Главный – таджик.

– Какой таджик?

– Моджахед.

– Абдуламон Муртазов?

– А ты еще серьезных таджиков знаешь? Так что жди, когда эти две змеи друг в друга зубами вцепятся.

– Н-да, – я цокнул языком.

Информация к размышлению была. Правда, что с ней делать? Увидим.

* * *

– Чего у вас на автоответчике в кабинете? – сурово сдвинул брови Романов.

Кабинет у Романова крошечный. На стене за его спиной плакат с гербом России – двуглавым орлом. Деталь символическая. Наш ОБНОН так и прозвали – «дом Романовых». «Ты откуда?» – спрашивают меня. «Из дома Романовых», – отвечаю я. И всем все становится ясно.

– А чего? – недоуменно спросил я.

– «Вы позвонили в ОБНОН. А вам это надо?» И это на отдельском автоответчике. Кто придумал? – Романов нахмурился еще больше. Невысокий, щуплый, он чем-то походил на артиста Никулина, то есть на горького пьяницу, хотя тут его внешность не соответствует внутреннему содержанию. Пьет Романов мало и разборчиво.

– Кто-то придумал, – пожал я плечами.

- Во-во. Из УБНОНа министерства позвонил полковник. И услышал.
- Досадно.
- Вообще весь кабинет у вас обклеен черт-те чем – какие-то идиотские плакаты, цитаты. Зачем на стену конверт прилепили «Для взяток»?
- Это ребята в фильме «Улицы разбитых фонарей» посмотрели.
- И что это значит?
- А что?
- Из подсознания вырывается? Взяток хочется, да?
- Ну а кому с такой зарплатой не хочется? – снова пожал я плечами.
- Хотите на здоровье. Лишь бы не брали... Терентий, надо порядок в кабинете наводить. Серьезнее пора становиться. Не школьники уже.
- Верно, – согласился я. – Это не школа. Это – детский сад.
- А, – обреченно махнул рукой Романов. – На. Прилепишь на видном месте.
- Где взял? – спросил я.
- Купил, – улыбнулся Романов.
- «Перечень выражений, запрещенных в кабинете начальника:
- Первый раз слышу.
- Звонил – не дозвонился.

- Искал, но не нашел.
- Заходил, но вас не было.
- Это было до меня.
- А я думал...
- А я докладывал.
- Наверное, команда не прошла.
- А мне никто не говорил.
- А почему я?
- Не слышал.
- Не знаю.
- Не передавали.
- Хотел как лучше.
- Я хотел, но не получилось.
- Я хотел доложить, но вас не было.
- Я сказал, а он не сделал.
- Меня в то время не было, кажется, болел (был в отпуске).

Начальник отдела».

Эту штуковину я тут же, согласно приказу, прилепил в нашем кабинете рядом с «Листком гнева», на котором нарисован взбешенный слон и написано:

«В случае припадка ярости скомкать и швырнуть на пол».

– Это чего за настенная агитация? – заинтересовался Арнольд, слегка опухший после того, как вчера «карнавалил» – то есть бухал до потери пульса со следователями и операми из Центрального РУВД. Кажется, не было в милиции тех,

с кем бы он не гудел.

– Распоряжение начальника, – многозначительно произнес я.

– Ну вот. А Машу с «Уралмаша» отодрали, – обиделся Арнольд.

Маша с «Уралмаша» – это голая девка с плаката «Плейбоя», которую месяц назад с утра пораньше наклеил Арнольд на стену, а через полчаса кабинеты обходил начальник РУВД – человек старорежимной закалки. Это надо было видеть. Тогда и изрек начальник классическую фразу, притом явно не его, говорят, она ходила еще в Советской армии:

– Что это за шлюха?! Отодрать и выбросить!

...Арнольд начал внимательно изучать новую бумаженцию.

Трахх, бах – грохот. В кабинет, открыв головой дверь, влетел Рок и упал на пол под ноги Арнольду. Тот ткнул его ногой и спросил:

– С верблюда свалился, дегенерат?

– Споткнулся. – Агент Рок встал как ни в чем не бывало, отряхнулся. И торжественно объявил: – Я всю ночь думал. И решил. Возьмите меня в агенты!

Опять начиналась старая песня о главном.

– Шустрый, – хмыкнул Арнольд. – Электровеником тебе работать с такими замашками.

– Я же с вами работаю. Барыг сдаю. Я на кон свою репутацию поставил!

– Ах, репутацию, – кивнул Асеев. – Да, в мире воротил крупного бизнеса репутация – главное.

– На меня уже косятся. А может, – он шмыгнул носом, потом приосанился, – может, меня убьют.

– И тебя наградят, – поддакнул я. – Посмертно.

Но Рок иронии не почуял. И «Бриллиантовую руку», которую я процитировал, он если и смотрел, то давно забыл. Его голова полна другим – наркоточками, рецептами на колеса, варкой «винта» и, главное, ожиданием того мига, когда вгонит в вену наркотик.

– Ну так возьмете? – проскулил Рок.

– Утро вечера мудренее, – заметил я. – Ты только про-
сишь. А кто такую честь заслуживать будет?

– А чего? Я еще адреса барыг надыбал, – Рок вытащил записную книжку и начал листать.

Затренькал телефон. Арнольд взял трубку.

– Кто? – спросил он. – А почему?.. Когда?.. Ладно, решим. Перезвони. – Он повесил трубку. И сказал: – Рок, пока ты нам мозги трешь, тут народ звонит, головы барыг на блюде принести обещает. Конкуренция, понимаешь.

– И сколько денег на закупку требует? – деловито осведомился Рок.

– Сто баксов, – бросил Арнольд.

– Что?! – истошно завопил Рок. – За сто баксов можно пять точек накрыть!

Я смотрю на Рока с пониманием. Мне где-то даже его

жаль, хотя Дядя Ася, например, считает, что жалеть наркомана можно лишь от очень широкой души или от великой наивности.

Року до смерти хочется уколиться. Он еле живой и готов продать кого угодно. Та доза, которая ему досталась после налета на квартиру Вороны, давно уже растворилась в крови. Скоро будет ломка. Скоро мир для Рока станет враждебным и захочется умереть. Говорят, когда ломка у героинщиков доходит до определенной стадии, у них возникает полное ощущение, что мясо отслаивается от костей.

– Поехали, – закричал Рок. – Я барыгу знаю. Он мне доверяет. В дом пустит. Кому не доверяет, тем по дворам скидывает! А меня пустит. Меня все знают! Рок в авторитете!

– А ты, вообще, где три дня был? – Вдруг, будто только увидев, глянул на Рока Арнольд. – Ты, дегенерат, обещал еще позавчера отзвониться!

– На вас работал, – гордо выпрямился Рок. – Точки искал. Удочку закинул. Скоро такой улов будет!

– Ну, ты крутой, – с уважением произнес Асеев.

– Пока еще не крутой. Вот оружие подойдет – буду крутым.

– Так звони своему барыге, крутой! – гаркнул Асеев. – Только треск от тебя идет, как от трансформатора испорченного. А дела нет...

Рок поднял трубку и начал названивать по адресам. На третий звонок ему откликнулись, и он важно начал вещать:

– Валера, что ты мне трюндишь? «Чеки» «чеками», а граммы граммами. Возьму десять граммов на реализацию... Что, нет? А когда будет?.. Быстрее, Валера. Быстрее доставай. А то кого получше найду. – Повесив трубку, заявил: – И здесь облом.

– Рок, ты мне надоел, – Арнольд дал ему подзатыльник.

– Во, – Рок поднял руку. – Знаю хазу, где «винт» варят. – Глаза его мечтательно закатились. – Хороший «винт». Ядреный. Неделю назад им вбахался. До сих пор отойти не могу.

Он набрал номер.

– Ерики-маморики. И ее нет!

– Ладно, остынь, – сказал я. Рок с облегчением положил трубку и взглядом преданной дворовой собаки, проспавшей ночного вора, уставился на меня. – Ты насчет порченого героя узнал?

– Узнал, – кивнул деловито Рок.

– И что узнал?

– От него еще три наркома кони бросили. Два на Старогрязевской. И один в поселке Экскаваторный.

– Ха, – с уважением произнес я. Информация у Рока была точная. Наркоманы от передозировки, от полной утери здоровья, от изъеденной печени, да от отказывающего сердца, да от излохматившейся в тряпье нервной системы мрут как мухи каждый день. Но когда у одного за другим морда черная, да пасть открыта во всю ширь, как у демократа на митинге, да еще причина смерти с трудом устанавливается – тут

уже прослеживается система. Это – порченный героин. Действительно, таковых за последние дни было три.

– Гнилой героин пошел, – вздохнул Рок. – Барыги нам войну объявили биологическую.

– Тогда уж химическую, – сказал Асеев. Ему, офицеру-ракетчику, виднее.

– Во-во, – кивнул Рок.

– И откуда он идет? – осведомился я.

– Это у Вороны надо спрашивать было.

– Она сказала – Бацилла ей дал.

– Ага... Врет же, стерва. – Рок потер руки.

– Почему?

– Потому что из откинувшихся на Старогрязевской был ее хахаль Робертино. Он через нее «белый» брал. И что вам чутье оперативников подсказывает?

– Ты что, полудурок, нас подкальываешь? – Шлеп – Арнольд залепил Року еще одну затрещину.

– Ну чего он? Скажите ему, – обиженно шмыгнул носом Рок, обращаясь ко мне.

– Арнольд, побереги руку... Так, думаешь, Ворона нам по ушам ездила?

– Ага, – довольно хмыкнул Рок.

Да, в логике ему не откажешь.

– Молодец, – сказал я. – Продолжай так и дальше. Агентом станешь.

Да, Ворона уже должна прийти в себя полностью. Нечего с

ней сопли развозить. Надо брать ее, змею, за нежное девичье горло.

– Проедусь по городу, – сказал я, поднимаясь.

– А «винтовую» будем брать? – воскликнул Рок.

– Без меня...

* * *

Моя зеленая железная кобыла сегодня заводится отказывалась. Машина жужжала, тряслась, и мне казалось, что она ехидно хохочет. Надо ее, заразу, тащить на ремонт. И двигатель тянет в последнее время неважно. И мотор чихает. Хорошо, когда один из доверенных лиц держит свою мастерскую и от этой мастерской ты отваживал братву.

– Ну заводись, родная, – воззвал я к ней.

На автобусе я к Вороне не поеду – целый день потерять. Туда можно на метро или на трех автобусах добираться – одинаково длинно. На машине же рукой подать. Не заведется – придется Князя с его «Фордом» брать... Хотя, если Рок дозвонится до барыги, им сегодня «винтовую» хату поднимать.

Машина все-таки завелась, и я резко рванул ее вперед. Какой же опер не любит быстрой езды?

Да, хорошо быть ментом и ездить на красный свет. Может быть, это и неприлично, но отказать себе в подобном удовольствии я не мог, так что до точки назначения добрался

через пятнадцать минут.

Кнопка звонка поддалась. Из-за двери донеслось треньканье. Открывай, сова, медведь пришел... Глухо. Никого нет дома.

Я прислонил ухо к двери. В квартире ощущалось слабое биение жизни. Шорохи, скрипы. Хрущобная звукоизоляция – друг опера, естественно, если сам опер живет не в хрущобе.

Все, нет смысла больше жать на звонок, барабанить ногой по двери, кричать, молить: «Откройте». Ни к чему это.

Некрасиво это. Нетактично. Тем более когда у тебя в кармане ключ от этой квартиры.

Я повернул ключ и толкнул дверь. Ключ этот – второй экземпляр – висел еще недавно на гвоздике на праздничной красной ленточке в прихожей Вороны. На всякий случай – для хороших людей. А я человек неплохой. Можно сказать, друг этого дома. Так что ключ я присвоил без мук совести. И теперь он мне пригодился.

– Ворона, привет. Орел прилетел! – воскликнул я, проходя в комнату.

Там Вороны не было.

– Ау! – крикнул я. – Иду искать.

Я знал, что она здесь. Во всяком случае, ее единственные туфли стояли в коридоре.

Искать Ворону долго не пришлось. Она стояла на коленях на кухне. И перед ней лежал на тарелочке шприц. Из этой

тарелки она всосала иглой разбавленный дистиллированной водой героин. И теперь готовилась вколоть его в вену.

– На иглу молишься? – спросил я.

Она не ответила. Щеки ее были обильно смочены слезами.

– Не могу. Не могу, – всхлипнула она.

– Что так? Боишься?

– Да! Да!

– С этого героина Робертино на кладбище угомонился?

– Да! – вдруг дико завопила она, схватила шприц и нацелила его себе в вену.

Я врезал ногой по ее руке, шприц отлетел, ударился о стену и упал в мусорное ведро. Классный бросок. Мяч в корзине.

– Сдурела? – воскликнул я.

– Не могу... Не могу... Слышишь, я должна уколаться... Я не могу...

– Сдохнешь же.

– А, все равно сдохнем. Робертино подох. И я подохну. Рано или поздно.

– Конечно, сдохнешь, – согласился я. – Если так жить будешь.

Вести воспитательную беседу с наркоманом, который хочет уколаться, – занятие неблагодарное и опасное. Тут же я и получил за свою доброту:

– А как еще жить? Как?! Мент драный! Сука!

Ну что, получил за доброту. Трудно быть джентльменом

и выслушивать все это... Да и зачем, спрашивается, всегда быть джентльменом? Я влепил ей легкую пощечину. Голова Вороны мотнулась, в глазах появилось осмысленное выражение.

– Пришла в себя? – спросил я. – Поговорим?

– Никогда!

– Нехорошо. Я же тебя из могилы вытащил. Ты уже там была.

– И была бы!

Я нагнулся над мусорным ведром, вытащил шприц, кинул его в папку.

– Сдохнем... Все сдохнем, – опять запричитала Ворона.

– Кто тебе порченого «геру» дал?

– Никто! Не было этого! Никто не давал!

– Смотри. – Я выкинул из кармана ладонь, на которой лежал «чек» героина. Такие штуковины постоянно ношу с собой. При общении с контингентом вещь незаменимая, хотя и таскать ее – преступление. Да что не преступление? Вся эта работа – сплошное преступление идиотских законов, которые не дают нам выметать нечисть. И то, что я сейчас делаю, – незаконно. Какой-нибудь высоколобый умник-юрист возопил бы возмущенно: позор! А я не высоколобый умник. У меня заочный юрфак московской академии за плечами – и хватит.

Она потянулась к героину, но он волшебным образом пропал с моей ладони. На лице Вороны отразилась борьба. Но

я наперед знал, чем она кончится. Нет ничего на свете, что перевесит для наркомана, у которого начинается ломка, хорошую дозу героина.

– Тютя этот «герыч» дрянной дал нам, – всхлипнула Ворона.

– Кто?

– Боря Утютин.

В моей памяти что-то нехотя заворочалось. Где-то слышал я эту кликуху.

– Утютин – кличка?

– Все так думают. Это фамилия!

– Адрес?

– Я его по пейджеру нахожу, – Ворона не сводила глаз с моей руки, в которой только что был героин.

– Номер.

Она задумалась. Потом отбарабанила цифры. Ты глянь, еще не все мозги героином съедены.

– Отлично, – кивнул я. – С твоей помощью мы его и возьмем.

– Что? Нет! – завопила она.

– На нет и героина нет. – Я направился к выходу.

Догнала она меня в коридоре. Упала на колени. Уцепилась за мои ноги, как регбист. И взывала:

– Ну пожалуйста! Я сдохну. Дай.

– Сдашь Тютю?

– Нет... Да!

– Когда?

– Завтра только смогу.

– Вот спасибо. – Я кинул на пол целлофановый шарик где-то с десятой частью грамма героина. – Ты хоть понимаешь, куда катишься?

– Понимаю, понимаю, – зашептала она, сжимая пакетик. Ее больше ничего не интересовало. Она говорила механически.

– Хорошо тебе провести вечер. – Я хлопнул дверью. И почувствовал, что меня подташнивает. Меня будто стискивало тисками. Нет, так жить нельзя!

Я вздохнул. Мир надо принимать таким, как он есть. Нечего устраивать страдания опера по безвинно порушенным жизням...

Я поглядел на часы. Могу еще успеть на «винтовую» хату. Надо было от Вороны в контору (так именуют в милиции свое место работы) прозвонить. Ну да ладно.

– Но, каурая! – воскликнул я и включил зажигание.

Двигатель завелся сразу.

* * *

Арнольд влепил ему с ходу кулаком в спину. Барыга пролетел два метра и, пропахав коленом асфальт, попытался подняться. Тут подскочил я и вмазал подлеца ласковым движением в тротуар. Он только и пискнул:

– У, блин...

– Ты смотри, еще порядок нарушает, – буркнул Арнольд. – Брань в общественном месте.

– Браслеты, – велел я.

– Английские. Фирменные, тебе повезло, – сказал Арнольд, защелкивая наручники на барыжьих запястьях.

– За что? – завопил тот.

– За торговлю героином в неположенных местах, – сказал я.

Взяли мы его около мусорных баков под неодобрительные взоры местных котов после того, как он продал своему старому покупателю героина на сто долларов.

– Нарушение правил торговли, – хмыкнул Арнольд. – Иди, козел! – Он пинком направил Тютю в сторону затормозившего «Форда». Галицын отворил дверцу и сделал приглашающий жест.

– Я ничего не делал. Ничего, – бормотал Тютя.

– На нет и суда нет, – кивнул Арнольд.

Мы вчетвером – я, Арнольд, Князь и барыга – втиснулись в машину.

– Ну что, влип? – с сочувствием спросил я.

– Вы кто? – воскликнул Тютя.

– Хрен в пальто... Милиция. Где «белый» берешь?

– Вы меня с кем-то перепутали.

– Ах, перепутали, – кивнул я. – А это что? – Я выудил у него из нагрудного кармана стодолларовую купюру. – Деньги

меченые. Не веришь?

– Я ничего не делал. И ничего не знаю.

Вчера, подумав, мы решили усложнить комбинацию и не вводить в нее Ворону. Ворона сдала нам посредника – застарелого наркомана, который тоже брал у Тютю героин. Утречком мы его «хлопнули» на продаже – прямо на улице. Статья 228 Уголовного кодекса Российской Федерации, где расписано наказание за сбыт наркотических веществ, произвела на него неизгладимое впечатление.

– Он же тебе не брат. Он на наркоманской беде разжирел, – сказал я.

– Точно. Сука он, – с плохо скрываемой неприязнью произнес наркош. – Поднялся, гадина, на героине. Машину, технику купил. Жену с квартирой отхватил.

– Сдаешь нам его – и свобода.

– По рукам...

Барыгу у наркоманов сдать считается не западло. И он честно сдал нам Тютю. Пробил сообщение на его пейджер. Они созвонились. Договорились встретиться у помойки за кафе «Волнорез». Тютя отдал наркотики. Получил меченые сто баксов. А потом и по хребту.

– Отпустите! – вдруг взбрыкнул Тютя и дернулся на сиденье, в отчаянном порыве пытаясь вырваться, от чего машина качнулась.

Арнольд улыбнулся обрадованно и залепил ему кулаком в лоб.

– Машину разнесешь. – Я так стиснул плечо Тютя, что он взвыл.

Машина тронулась с места.

– Чего рубаха с длинными рукавами? – спросил я.

– Холодно.

– Ну да. Двадцать восемь градусов. – Я задрал его рукав. Арнольд оглядел руку задержанного и присвистнул:

– Хорош...

Тютя лет двадцать пять. Красивый парень. Статный. С роскошными черными волосами. Такие морды раньше были на фотографиях в парикмахерских в качестве рекламы модельных причесок. Белые брюки, кремовая рубашка, дорогие туфли – стилига. Такой должен девушкам нравиться. Все в нем хорошо – и стать, и рост. Вот только одно плохо. На нем – чертова печать. Вся его рука в глубоких шрамах. По ней плугом прошелся шприц, оставив следы навсегда.

Машина выехала со двора и устремила к окрестной свалке. Там было пусто.

– Остановись, – приказал я.

Князь остановил машину. Я распахнул дверцу, поставил одну ногу на асфальт. Ветер свистел, и бродячие собаки рылись в отходах.

– Все равно я ничего не делал, – прошептал Тютя, поеживаясь на сиденье.

– Это ты суду объяснишь, – сказал я. – Все, дело сделано. Теперь – тюрьма. И надолго. Там не поколешься.

– Я ничего не делал, – упрямо твердил Тютя.

Арнольд, естественно, не выдержал такой вопиющей наглости и врезал поочередно его по каждому уху, так что глаза Тютя чуть не вылезли из орбит. Барыга застонал, а потом расслабился.

– Все доказано, ублюдок, – Арнольд взял барыгу за шею и сжал, потом отпустил.

Тютя захрипел, лицо его посинело. Он схватился руками в браслетах за горло, закашлялся. Тут запиликал пейджер на его поясе.

– Ну-ка, – Галицын перегнулся с первого сиденья и снял пейджер. С выражением процитировал: – «Нужно два киндер-сюрприза. Жду на старом месте в два часа! Пожалуйста!»

– Конспираторы, – хмыкнул Арнольд. – Сюрпризы-то не шоколадные, а героиновые.

– Так, чего тут еще? – Князь нажал на кнопки пейджера, выкликая ранние сообщения. – «Тютя, если не появишься, я умру. Катя», «Нужно три сюрприза. Деньги отдам и за старые. Быстрее!», «Тютя, помоги».

Пейджер опять запиликал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.